

Об одной риторической фигуре в одической поэзии М. В. Ломоносова

Евгений Михайлович Матвеев, Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург), ematveev@list.ru

DOI: 10.31857/S013161170005696-4

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена анализу функционирования в поэзии Ломоносова фигуры полиптота — одного из приемов, восходящего к классической риторической традиции. В узком смысле полиптот — это повтор имени в разных падежах и предложно-падежных формах. Как узнаваемый элемент одического стиля Ломоносова полиптот пародировался А. П. Сумароковым в его «Вздорных одах». В статье рассмотрены примеры использования полиптов в одах Ломоносова — от оды «Первые трофеи Иоанна III» (1741) до «Оды Елисавете Петровне на день тезоименитства» (1759). Фигура полиптота («наклонения») описана Ломоносовым в его главном риторическом трактате — в «Кратком руководстве к красноречию» (1748). Анализ его торжественных од демонстрирует несоответствие сформулированных и реализованных принципов поэтики: полипты используются прежде всего не для контраста (как заявлено в «Кратком руководстве»), а для создания гиперболического контекста — при изображении войны, природных катастроф (наводнения, бури), восторженно-иступленного состояния одического поэта, народного ликования. В статье прослеживаются особенности употребления полиптов в послеломоносовской одической поэзии (на примере творчества В. П. Петрова). Петров вслед за Ломоносовым преимущественно использует эту риторическую фигуру в «героических» батальных сценах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: торжественная ода, риторика, полиптот, М. В. Ломоносов, В. П. Петров

для цитирования: Матвеев Е. М. Об одной риторической фигуре в одической поэзии М. В. Ломоносова // Русская речь. 2019. № 5. С. 107–115. DOI: 10.31857/S013161170005696-4.

The Language of Fiction

On One Rhetorical Figure in M. V. Lomonosov's Solemn Odes

Evgeniy M. Matveev, Institute for Linguistic Studies (Russian Academy of Sciences),
Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg), ematveev@list.ru

ABSTRACT: The article focuses on functioning of the polyptoton in the poetry of Lomonosov — one of the techniques, dating back to the classical rhetorical tradition. In a narrow sense, a polyptoton is a repetition of a name in different cases and prepositional case forms. As a recognizable element of the Lomonosov's odic style, the polyptoton was parodied by A. P. Sumarokov in his "Vzdornye ody" [Foolish odes]. This article analyzes examples of polyptotons in Lomonosov's odes — from the ode "First Trophies of John III" (1741) to the "Ode for Elizabeth Petrovna on her Name Day" (1759). The figure of polyptoton ("naklonenie") was described by Lomonosov in his main rhetorical treatise — "Quick Guide to Eloquence" (1748). The analysis of his solemn odes demonstrates the inconsistency of the formulated and implemented principles of his poetics: polyptotons are used primarily not for contrast (as stated in the "Quick Guide"), but to create a hyperbolic context — when depicting war, natural disasters (floods, storms), enthusiastic state of the odic poet, people's glee. This article traces the features of the polyptotons in the post-Lomonosov odic poetry (using the examples of V. P. Petrov's odes). Petrov mainly uses this rhetorical figure in the "heroic" battle scenes after Lomonosov.

KEYWORDS: solemn ode, rhetorics, polyptoton, M. V. Lomonosov, V. P. Petrov

FOR CITATION: Matveev E. M. On One Rhetorical Figure in M. V. Lomonosov's Solemn Odes. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 5. Pp. 107–115. DOI: 10.31857/S013161170005696-4.

В первой вздорной оде Сумароков, пародируя Ломоносова, в двух соседних строках воспроизводит характерную для ломоносовской торжественной оды фигуру — фигуру полиптота (многопадежия):

С **волнами волны** там воют,
Там **вихри с вихрями** дерутся
И пену плещут в облака. [Сумароков 1957: 257]

В современном словаре риторических терминов В. П. Москвина отмечено несколько значений термина *полиптом*: «Полиптом [лат. мн. *polyptota* < ед. *polyptoton* < греч. *πολύπτωτον* < *πολύ* 'много', *πτωτικός* 'относящийся к форме слова, падежный'] — 1. Повторение слова в разных грамматических формах <...> 2. В более узком смысле: то же, что анноминация. 3. В старинных трактатах: то же, что гетерозис» [Москвин 2007: 566]. Под *анноминацией* понимается «повтор слова в разных падежных и предложно-падежных формах» [Москвин 2007: 119], а под *гетерозисом* — «фигура экспрессивной деривации, состоящая в использовании одной грамматической формы в значении другой» [Москвин 2007: 196].

Описание фигуры полиптота (в первом и втором значениях) содержится в многочисленных трактатах, представляющих античную, европейскую и восточнославянскую доломоносовскую риторическую традицию. В них встречаются следующие терминологические эквиваленты: *греч.* *πλοκή* (Марк Фабий Квинтилиан «Двенадцать книг риторических наставлений»), *πολύπτωτον* (Там же), *лат.* *analepsis* (Н. Коссен «О духовном и светском красноречии»), *diaphora* (Там же), *polyptoton* (Н. Коссен «О духовном и светском красноречии»), *Ф.-А. Помей* «Кандидат риторики»), *traductio* («Риторика к Гереннию», Н. Коссен «О духовном и светском красноречии»), *Ф.-А. Помей* «Кандидат риторики»), *фр.* *diversitez de cas* (Н. Буало. Перевод трактата Псевдо-Лонгина «О возвышенном»), *нем.* *Polyptoton* (И. К. Готтшед «Ораторское искусство в подробном изложении»), *рус.* вытягнение («Риторика» 1620 г.), многопадежное (Софроний Лихуд «Риторика»), многопадежное соимение (Там же), полиптотон (Софроний Лихуд «Риторика», М. Усачев «Риторика»), преведение (Стефан Яворский «Риторическая рука» в переводе Федора Поликарпова), предложение (М. Усачев «Риторика»), преложение (Софроний Лихуд «Риторика»), пременение (М. Усачев «Риторика»), приложение (Софроний Лихуд «Риторика»), традукцию (Стефан Яворский «Риторическая рука» в переводе Федора Поликарпова) [Бухаркин и др. 2017: 191]. Автор «Риторики к Гереннию» обращает внимание на качества речи, в которой используются полипторы: «Традукция делает так, что слово, будучи часто повторенным, не только не портит восприя-

тие, но даже делает речь более ясной» [Бухаркин и др. 2017: 193]. Буало отмечает, что полиптит, среди других фигур, может «значительно послужить украшению речи и разнообразными путями способствовать возвышенному и патетическому» [Бухаркин и др. 2017: 197].

Эту фигуру описывает Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» в числе фигур речений. Он дает ей (как и многим другим риторическим фигурам) оригинальное русское наименование — «наклонение»: «Наклонение есть, когда то же речение повторяется, будучи преложено на другие времена или падежи: *Сего ненавижу, сим гнушаюсь, сей взору моему несносен, от сего всякое отвращение имею, сему пред лицом моим быть недостойно*. Или: *Люблю правду всем сердцем, как всегда любил и любить буду до смерти*» [Ломоносов 2011: 7, 203–204]. Как видно из определения и примеров, в наклонении могут быть использованы как имена, так и глаголы. В еще более широком смысле (как использование однокоренных слов или форм одного слова для построения риторического доказательства) наклонение понимается в первой части «Краткого руководства» («О изобретении»): «От имени составляются доказательства... чрез наклонение частей слова учиненные, например: *кто воздержан, тот конечно воздержится; или: кто боязлив, тот боится; или: кто воровал, тот вор; или: ежели кротость любим, то и кротких любить должно*» [Ломоносов 2011: 7, 125]. В «Кратком руководстве к красноречию» объясняется одна из функций фигуры наклонения — создание противопоставления, контраста: «От знаменования имени замысловатые речи составляются... Когда одно имя в отменных наклонениях само себе противным представляется: *Иные петлею от петли убегают / И смертью себя от смерти избавляют*» [Ломоносов 2011: 7, 163].

В настоящей статье рассмотрены примеры полиптиотов в узком смысле (повтор имени в разных падежах) в одической поэзии Ломоносова. Именно они стали характерным приемом его торжественных од, что чутко уловил Сумароков.

Впервые фигура полиптиота появляется у Ломоносова в оде 1741 года, посвященной императору-младенцу Иоанну Антоновичу. В заключительной части оды помещено обращение к Антону-Ульриху Брауншвейгскому, который был генералиссимусом русских войск:

Отца отечества **Отец**,
Вручил Кому небес Творец
Храбрейшу в свете силу править. [Ломоносов 2011: 8, 47]

Полиптиот, дополненный гомеологией (корневым повтором), создает гиперболический контекст оды: поэт называет годовалого младенца, используя титул римских императоров («Отец отечества»), к этому сочетанию добавляется еще одно слово «Отец».

Следующие два случая использования данной фигуры встречаются в двух соседних строфах «Оды на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года по коронации», в сценах описания русско-шведской войны 1741–1742 годов:

Там кони бурными ногами
Взвивают к небу прах густой,
Там смерть меж Готфскими полками
Бежит ярясь из **строя в строй**,
И алчну челюсть отверзает,
И хладны руки простирает,
Их гордый исторгая дух;
Там тысящи валятся вдруг.
Но естли хочешь видеть ясно,
Коль Росско воинство ужасно,

Взойди на брег крутой высоко,
Где кончится землею понт;
Прости свое чрез воды око,
Коль много обнял Горизонт;
Внимай, как Юг пучину давит,
С песком мутит, **зыбь на зыбь** ставит,
Касается морскому дну,
На сушу гонит глубину
И с морем дождь и град мешает:
Так Росс противных низлагает. [Ломоносов 2011: 8, 81–82]

В этой же оде находим еще один случай двойного полиптота при описании одического «исступления» и «сопряжения далековатых идей»:

Какая бодрая дремота
Открыла мысли явный сон?
Еще горит во мне охота
Торжественный возвысить тон.
Мне вдруг ужасный гром блистает,
И купно ясный день сияет!
То сердце сильна власть страшит,
То кротость оное живит,
То бодрость **страх**, то **страх** ту клонит:
Противна страсть **противну** гонит! [Ломоносов 2011: 8, 88]

Повтор существительного *страх* в 9-й строке данной строфы формирует риторическую фигуру антиметаболы, которую Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» называет пременением: «**Пременение** есть

когда предложением речений противные идеи производятся. *Пример из 2 Димосфенова олинфического слова: Весьма погрешаете вы, афинеане, что чрез тое надеетесь произвести счастье из несчастья, чрез что из счастья несчастье сделалось.* Сюда принадлежит и следующее: *Ежели ты что хорошее сделаешь с трудом, труд минется, а хорошее останется, а ежели сделаешь что худое с услаждением, услаждение минется, а худое останется.* Также и сие: *Не для того мы живем на свете, чтобы насыщаться, но для того насыщаемся, чтобы жить»* [Ломоносов 2011: 7, 220].

Еще один двойной полиптит, использованный в связи с темой русско-шведской войны, обнаруживается в «Оде на день тезоименитства Петра Федоровича 1743 года»:

Под инну Трою вновь приступит
Российский храбрый Ахиллес,
Продерсский меч врагов притупит,
Хвалою взойдет к верьху небес.
Отрада пойдет в след **отраде**
В Петровом, свету страшном граде,
И **плески плескам** весть дадут:
Господь щедроты в нас пробавит
И больше нас Тобой прославит,
Как с трепетом враги падут. [Ломоносов 2011: 8, 97]

В «Оде на день восшествия на престол Елисаветы Петровны 1746 года» интересующая нас фигура трижды используется для изображения противопоставленной елизаветинскому времени мрачной эпохи Анны Иоанновны:

Нам в оном ужасе казалось,
Что море в ярости своей
С пределами небес сражалось,
Земля стенала от зыбей,
Что **вихри в вихри** ударялись,
И **тучи с тучами** спирались,
И устремлялся **гром на гром**
И что надуты вод громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты гор с влажным дном. [Ломоносов 2011: 8, 125]

Анализируя эту строфу, Р. Николози писал: «Власть Анны Иоанновны — тьма, изгоняемая новой царицей. <...> ...Время бироновщины представляет собой серьезную опасность возврата первоначального хаоса» [Николози 2009: 69].

Далее в одической поэзии Ломоносова наступает перерыв в использовании полипотов. Их нет в одах 1747, 1748, 1750, 1752, 1754 годов. Снова полипотот появляется только в «Оде на день рождения Елисаветы Петровны 1757 года», причем снова в связи с военной — а точнее, с антивоенной — темой:

Присяжны преступив союзы,
Поправши нагло святость прав,
Царям навергнуть тщится узы
Желание чужих держав.
Творец, воззри в концы вселенны,
Воззри на земли утесненны,
На помощь страждущим восстань,
Позволь для общего покою
Под сильною Твоей рукою
Воздвигнуть против **брани брань**. [Ломоносов 2011: 8, 572–573]

Наконец, последней одой, в которой Ломоносов использует эту фигуру, является «Ода Елисавете Петровне на день тезоименитства и на преславные ее победы, одержанные над королем Прусским 1759 года». Полипотот встречается в этой оде дважды, в пределах одной строфы, формируя кольцо:

С **трофея на трофей** ступая,
Геройство Русское спешит.
О Муза, к облакам взлетая,
Представь их раздраженный вид!
С железом сердце раскаленным,
С Перуном руки устремленным,
С Зарницей очи равны зрю!
Противник, следуя Борею,
Сказал: Я буйностью своею
Удар ударом предварю. [Ломоносов 2011: 8, 591]

Как важный и узнаваемый прием поэтического языка торжественной оды, полипотот продолжает жить в языке русской оды и после Ломоносова. В. П. Петров, главный придворный одописец екатерининского времени, в своей одической поэзии демонстрирует целый спектр многоуровневых заимствований у Ломоносова, охватывающих фонетический, лексический, грамматический, стиховой и сюжетно-ассоциативный уровни поэтических произведений (см. об этом, в частности: [Матвеев 2018]). Заимствует он у Ломоносова и полипототы. Из шести найденных примеров полипота в одах Петрова четыре связаны с ломоносовской традицией. В оде «На победу

российского флота над турецким» и в оде «На взятие Очакова» использован полиптит со словом «смерть»: «Недвижим росс стоит и **смертью смерть** сретае!» [Петров 2016: 60], «И **смертью смерть**, обрушась, давят» [Петров 2016: 159]. Вероятно, Петров держал в памяти цитированный выше пример из «Риторики» М. В. Ломоносова («Иные петлею от петли убегают / И смертию себя от смерти избавляют»)¹. Полиптит со словом «гром», использованный Ломоносовым в оде на восшествие 1746 года, встречается у Петрова дважды: в оде «На заключение с Оттоманскою Портою мира» — «Скоряй **гром громом** упреждай» [Петров 2016: 82] и в оде «На новые учреждения для управления губерний» — «Летал бы **гром за громом**» [Петров 2016: 101]. Еще два примера использования полиптита в одах Петрова не находят прямых аналогов в одической поэзии Ломоносова. Это полиптиты со словами «яд» и «ад»: «Та новым **ядом яд** умножит» [Петров 2016: 84] (ода «На заключение с Оттоманскою Портою мира») и «**Ад адом** сперт, умолк снаряд врагов перуной» [Петров 2016: 98] (ода «Его сиятельству графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому»).

В заключение обратим внимание на функции полиптитов в одической поэзии. Выше было отмечено, что в «Кратком руководстве к красноречию» задачей полиптита Ломоносов считал создание противопоставления между словами, употребленными в разных формах. Анализ его торжественных од демонстрирует определенное несоответствие сформулированных и реализованных принципов поэтики: видно, что полиптиты используются прежде всего не для контраста, а для создания гиперболического контекста — при изображении войны, а также природных катастроф (наводнения, бури), восторженно-исступленного состояния одического поэта, народного ликования. Петров вслед за Ломоносовым преимущественно использует эту риторическую фигуру в «героических» батальных сценах. Таким образом, полиптит в поэтическом языке русской торжественной оды оказывался одним из средств, формирующих свойственный этому жанру «смелый и навязчивый» [Алексеева 2005: 67] гиперболизм стиля.

Литература

Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. 369 с.

¹ Ср. также пример из ломоносовской поэмы «Петр Великий» (пассаж о шведах): Судьбину сияются на время отвратить / И **смертью** Росскою свою **смерть** облегчить [Ломоносов 2011: 8, 657]. Контрастная функция полиптита здесь менее ощутима из-за инверсии. Еще одним источником петровского полиптита мог стать богослужебный контекст, а именно пасхальный тропарь («**смертию смерть** поправ»).

- Бухаркин П. Е., Волков С. С., Матвеев Е. М. (ред.). Риторика М. В. Ломоносова / П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, А. А. Ветушко-Калевич, Н. В. Карева, К. Н. Лемешев, Е. М. Матвеев, К. М. Номоконова, А. Н. Семихина, А. С. Смирнова, К. Ю. Тверьянович, А. К. Филиппов, М. Г. Шарихина. СПб.: Нестор-История, 2017. 632 с.
- Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 10 т. / гл. ред. Ю. С. Осипов. М.–СПб.: Наука, 2011–2012. Т. 7. 2011. 864 с. Т. 8. 2011. 1134 с.
- Матвеев Е. М. Оды В. П. Петрова и оды М. В. Ломоносова: словесная и ритмико-синтаксическая формульность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 354–366.
- Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 940 с.
- Николози Р. Петербургский панегирик XVIII века: Миф – идеология – риторика. М.: Языки славянской культуры, 2009. 216 с.
- Петров В. П. Выбор Максима Амелина. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2016. 384 с.
- Сумароков А. П. Избранные произведения / вступ. ст., подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л.: Советский писатель, 1957. 608 с.

References

- Alexeeva N. Yu. *Russkaya oda: razvitie odicheskoi formy v XVII–XVIII vekah* [Russian ode: the development of odic form in 17–18th centuries]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2005. 369 p.
- Bukharkin P. E., Volkov S. S., Matveev E. M. (ed.). *Ritorika M. V. Lomonosova* [M. V. Lomonosov's rhetorics]. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 632 p.
- Lomonosov M. V. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full collected works]. Ed. Yu. S. Osipov. Moscow, Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2011–2012. Vol. 7, 2011, 864 p. Vol. 8, 2011. 1134 p.
- Matveev E. M. Odes by V. P. Petrov and odes by M. V. Lomonosov. Word and rhythmic-syntactic formulas. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. 2018, vol. 15, issue 3, pp. 354–366. (In Russ.)
- Moskvin V. P. *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoi russkoi rechi. Tropy i figury. Terminologicheskii slovar'* [Expressive means in modern Russian speech: tropes and figures. Terminological dictionary]. Rostov-on-Don, Fenix Publ., 2007. 940 p.
- Nikolozii R. *Peterburgskii panegirik XVIII veka: mif – ideologiya – ritorika* [The 18th century Peterburg panegyric: myth – ideology – rhetorics]. Moscow, Yazyki Slavyanskoy Kul'tury Publ., 2009. 216 p.
- Petrov V. P. *Vybor Maksima Amelina* [Maxim Amelin's choice]. Moscow, B.S.G.-Press Publ., 2016. 384 p.
- Sumarokov A. P. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Ed. P. N. Berkov. Leningrad, Sovetskii Pisatel' Publ., 1957. 608 p.